

БОЖЕСТВЕННАЯ СТРАСТЬ. БОГОСЛОВИЕ ГРУЗИНСКИХ МУЧЕНИКОВ

Иисус говорит Симону Петру: Симон Ионин!
любишь ли ты Меня больше, нежели они?

Петр говорит Ему: так, Господи!

Ты знаешь, что я люблю Тебя.

Ин 21, 15.

Три древнейших грузинских мученичества – Шушаник, Эвстати и Або – это не только исповедание веры, откровение веры и верности Христу, но и исповедание любви к Христу, откровение божественной страсти.

В этом отношении три эти мученичества по своему противопоставлены грузинской агиогра-

фической литературе последующего времени. Ибо, хотя и там имеют место такие обязательные элементы истинной духовной жизни, как вера, верность, самопожертвование, и наконец, разумеется, любовь к Господу, но взаимоотношения с Богом уже получили упорядоченный, опосредованный, институционализированный образ. Здесь тоже, конечно, осуществляются прямые и волнующие контакты с Богом, но Божество и любовь к Нему не являются уже единственной опорой и целью духовного подвижничества. Монастырь, государство, язык, культура, богослужение, церковные каноны и аскетические правила, духовные отцы, цари и князья обогащают, усложняют, расцветивают мир христианского подвижника и отвлекают и на себя его внимание и его любовь.

Вспомним хотя бы оплакивания – царя Ашота куроपालата преподобным Григолом Хандзтийским и Гиорги Святогорца его учеником Гиорги Мцире, где эти два святых предстают не только объектами особой любви, но и звездами, освещающими вселенную, новыми божествами.

«О, царь мой, сильный и славный, крепость Церквей и оплот христиан, откуда мне было ждать тебя, с востока ли или с запада, с севера ли или с юга? Ибо всеми родами ты обладал ..., диво это славное, благоверный государь»¹.

«И как вы слышали и уразумели, сила дела и

¹ *Житие Григола Хандзтели. XIII. с. 76.*

соответствие слова подвижника этого великого вам показала, как памятник воздвигнутый, как икону, писанную для видения мимоходящих жителя сего, нового Авраама, кроткого того – подобно Давиду, мудрого, подобно Соломону, незлопамятного, подобно Моисею, невинного, подобно Самуилу, чистого, подобно Иосифу, незримых зрителя, подобно Даниилу, и ревнителя веры, подобно великому Или, любителя пустыни, подобно великому Предтече...»².

Или же известная *«Похвала и слава грузинского языка»* Иоанэ-Зосимэ, синайского монаха X века, где названный язык, как своего рода живая духовная сущность, снабжен человеческим именем и биографией, в которой просматриваются черты судьбы Спасителя, – унижение, успение, погребение, воскрешение и суд над всяким языком, и вызывает у автора соответствующие чувства – сострадания, восторга, упования.

«Схоронен язык грузинский до дня второго пришествия Его для свидетельствования, дабы всякий язык Бог обличил этим языком. И это язык, спящий до сего дня, и в Евангелии этот язык называется Лазарем... И... всякая тайна схоронена в этом языке³. И этот язык, украшенный и благословенный именем Господним, смиренный и уничиженный, ожидает дня второго пришествия

² *Житие ГС*, XXII; «Символ», N 38, 1997, с. 315.

³ Ср.: *Ин 11, 2*: «Лазарь, друг наш, уснул, но Я иду разбудить его».

*Господня»*⁴.

В такой любви и восторге нет ничего несовместимого с христианским учением и с любовью к Богу. Сам Бог устами Псалмопевца возвел людей в степень богов⁵, самолично превознес и даровал особенную благодать некоторым из них⁶. Но подобному умножению предметов любви сопутствует возможность ослабления привязанности лично к Богу, притягательности Бога, как предмета любви.

Никаких подобных отвлекающих, заманчивых, осложняющих обстоятельств не существует для древних грузинских мучеников.

*«Ты знаешь, Господи мой Иисусе Христе, – обращается к Богу на пороге смерти Эвстати Мцхетский, – что я никого не предпочел Тебе.., но Тебя, Единого Господа возлюбил»*⁷.

Их любовь – это не слепое чувство людей с узким кругозором. Присущее им видение Бога возвышенно и сложно, сообразно с христианским богословием и представлениями.

Для Шушаник и ее ближних Бог не является

⁴ Иоанэ-Зосимэ. *Похвала и слава грузинского языка*.

⁵ Пс 81, 6; Ин 10, 34–35: *«Иисус отвечал им: не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги? Если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие, и не может нарушиться Писание»*.

⁶ Иоанна Предтечу, Петра и других апостолов.

⁷ *Мученичество и терпение святого Эвстати Мцхетского, VIII.*

неким безразличным божеством, но единственным, «истинным» Богом.

«*Варскен отверг истинного Бога*», – именно так сообщают ей об измене ее мужа. И слово «истинный» придает вести об измене и отвержении Варскеном Бога ту потрясающую силу, которая не ослабла и не истощилась до сих пор.

Для Эвстати и Або путь ко Христу является также путем познания и изучения.

«*А потом опять вошел < в церковь >, – рассказывает Эвстати Вежану Бузмиру, персидскому наместнику Картли и своему судье, – и встретился мне Самоэл архедиакон (!) и законовед и сказал мне: „Что вошел ты в церковь с таким усердием?“ Я же сказал ему: „Господин, и ты знаешь меня, кто я таков, однако не люблю я закон этот отечественный мой и желаю, кто бы поведал мне закон и иудеев, и христиан. И какой бы закон святее был, тот я и возлюбил“*»⁸.

Подобно этому и для святого Або, по свидетельству Иованэ Сабаниддзе, христианство не является лишь только сердцем принятой благодатью, но и учением, которое испытано рассудком.

«*Тогда начал постигать и изучать святые божественные книги Ветхого и Нового Закона... и так совершен сделался он всяким учением, которое есть у святой католической Церкви о Христе*»⁹.

⁸ Мученичество Эвстати, IV.

⁹ Мученичество святого и блаженного мученика Христова Або, Вторая глава.

Но их Бог, их Христос не превращается из-за этого в Бога философов и богословов¹⁰ – своего рода предмет познания и изучения, но является существом столь близким, что из-за него герои испытывают многообразные чувства и аффекты.

«Человек же открыл ей правду и сказал: «Варскен отверг истинного Бога». Как услышала блаженная Шушаник, пала она на землю и головою билась вниз и с горькими слезами говорила: «Достожалостным сделался несчастный Варскен, ибо отверг истинного Бога»¹¹.

«И как вошел я внутрь, – вспоминает Иакоб встречу с Шушаник в темнице после первой пытки, – увидел образ ее разбитый и опухший, и возвысил я голос и плакал. Святая же Шушаник сказала мне: „Не плачь о мне, ибо началом радости стала для меня ночь эта”»¹².

Чему можно приписать эту странную радость после жестокого избиения, если не тому, что это страдание было перенесено ради верности любимому существу?

Правда, сама Шушаник и Цуртавели не открывают причину радости, но то, о чем они смиренно

¹⁰ «Бог философов» – определение Блеза Паскаля, в котором он выразил личный мистический опыт: «Радость, радость, радость! ...Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, а не философов и ученых!» («...Dieu d'Abraham, Dieu d'Isaac, Dieu de Jacob, non des philosophes et des savants!»).

¹¹ Мученичество святой Шушаник, царицы, II.

¹² *Ibidem*, VII.

умалчивают, о том прямо говорят мученик Або и его судья.

«Сказал ему судья тот: „Что за такую сладость имеешь от Христа твоего, с которой и на смерть не жалеешь самого себя?»

Сказал ему святой Або: „Если желаешь узнать сладость Его, и ты уверуй во Христа и крестись в Него и тогда-то сподобишься узнать сладость Его”»¹³.

Есть один общий признак, который как будто указывает на земную причину отвержения этими тремя героями какого-либо земного пристрастия. Это их негрузинское происхождение, их чуждость, их безродность на той земле, в среде того народа, где судьба, провидение приготовили им геройское поприще.

Но по крайней мере для двух из них – Эвстати и Або удаление от родины не является случайным и бедственным обстоятельством. Чуждость и безродность они избирают по своей воле. Удаление от родины, уступка ее, осознают или нет это сами герои, это первая жертва, которую они приносят Господу. Первый шаг, который лишает их прочного, земного основания. Между прочим, так же поступали многие грузинские христиане, которые видели в удалении от родины и соотечественников, в жизни на чужбине одну из ступеней духовного восхождения, – Григол Хандзтели, Иларион Чудотворец, Иованэ и Гиорги Святогорцы и многие

¹³ *Мученичество Або*, Третья глава.

другие.

Переселение в Грузию для них – это не поиски и обретение новой родины, во всяком случае, родины земной. Они идут сюда, чтобы искать Христа, идут потому, что Христос позвал их сюда, здесь назначил им встречу.

«На отечественном-то законе мы были, персидский закон знали, – рассказывают марзапану Эвстати и схваченные вместе с ним персы-христиане, – когда же в Картли мы вошли и христианский закон увидели, христианами стали и ныне христиане мы, ибо закон христиан свят и благовонен, и весьма добр и прекрасен, другой же закон не сравнится с законом христианским»¹⁴.

«Однако оттуда в наш мир исход тот он [Або] отнюдь не сам собой помыслил, но как это Господь сказал блаженному тому Аврааму ... Так же и он... мановением Божиим... отправился сюда... ради любви Христовой»¹⁵.

Уход с родины означает расставание не только с определенной местностью, он означает расставание с целым привычным «миром», по выражению древних писателей, с миром персидским или с миром арабским: с родителями, братьями и сестрами, с верой и обычаями отцов и дедов.

«Святой Эвстати сказал, – передает анонимный описатель его подвига. – Я был страны Пер-

¹⁴ Мученичество Эвстати, III.

¹⁵ Мученичество Або. Вторая глава.

сидской, долины Аршакетской, из города Гандзака. И отец мой был волхвом, и братья мои были волхвами, и меня отец учил волхвованию. Я же отеческого закона не любил»¹⁶.

Особенно глубоко исследует жизненные корни своего героя Або Иованэ Сабанисдзе:

«Он порождением был Авраамовым, из сыновей Измаила, от колена сарацинского, и отнюдь не от иноплеменника или от наложницы рожденный, но всяко аравийского племени, по отцу и матери, которого отец его и мать его и братья и сестры его были там же в городе том Багдаде Вавилонском... И был искусник, добро смешивающий благовонные те мази, и научен был грамоте сарацин, сынов Измаила, сынов Авраама, порождений Агариных»¹⁷.

Прощание с родиной, со своим народом, вырывание тех глубоких корней, которые связывали Або и Эвстати с прошлым, продолжается и здесь, на новой земле, потому что во время Эвстати в Картли не только жили, но властвовали его бывшие соотечественники и единоверцы – персы-огнепоклонники, а во время араба Або то же положение здесь уже занимали арабские мусульмане. И те и другие до последней минуты цеплялись за них, и противились их выходу из среды своего народа и его веры. Або даже пришлось переселиться за пределы Грузии – в Хазарию, чтобы преодолеть

¹⁶ Мученичество Эвстати, IV.

¹⁷ Мученичество Або, Вторая глава.

притяжение этих корней и вернуться обратно в Картли духовно освобожденным.

Все это подчеркивает величие жертвы, которую эти герои принесли на алтарь Христа. Принесли жертву не какой-нибудь новой земной приманке, или хотя бы самому возвышенному небесному учению, но, согласно с их собственными словами, лично Богу, Троице, Христу и любви к Нему.

Но судьба требует повторения жертвы. Все трое мучеников в Картли приобретают вторую родину, двое из них – семью, а Або друзей и единомышленников. Один из друзей Або – Иованэ Сабанисдзе, – свидетельствует, что эта дружба не была поверхностным и теплохладным чувством.

«Желаю воспеть тебя, всепетый Христов мученик, – обращается Сабанисдзе к казненному другу, – ибо достоблаженною той Христовой любовью возлюбил меня, пока пребывал в мире этом нашем»¹⁸.

Сведения Сабанисдзе показывают, что круг друзей Або вовсе не ограничивается будущим автором мученичества. Если благодаря близости к князю Нерсэ, а также своей необычной, с точки зрения грузин, даже сенсационной личности – человека, который во время владычества мусульман в Картли отверг мусульманство и исповедал Христа, – Або близко познакомился с князем Абхазии во время своего пребывания там, несомненно, по той же причине, после своего первого прихода

¹⁸ *Мученичество Або*, Четвертая глава.

в Картли, и особенно, после возвращения туда, у Або и здесь должно было появиться много почитателей, и среди них, католикос Самоэл, который первым с восхищением назвал нового мученика *«заступником перед Христом за нас и за весь наш мир»*¹⁹, то есть объявил его небесным покровителем Картли.

Когда Сабанисдзе именует Або учителем, который ученых сделал более разумными, колеблющихся утвердил, утвержденных обрадовал, язычникам внушил жажду Христова рабства, надо думать, он подразумевает не только то влияние, которое оказал на жителей Тбилиси и жителей Картли в целом факт его мученичества, но еще при жизни Або – влияние его личности, деятельности и проповеди.

Мученичество Эвстати также являет нам картину того, как основательно обустроился в Грузии будущий святой мученик.

«А именем назывался он Гвиробандак, и днями отрок был он около тридцати лет. И пришел он в город Мцхета и учился он ремеслу сапожника и смотрел он на закон христианский и служение Христово и силы святого креста явление. Возлюбил он закон христианский и уверовал во Христа. И... взял он жену христианку и сам христианином сделался и крестился. В крещении же его называли его именем Эвстати. И жительствовавший святой Эвстати в христианстве и благоволении

¹⁹ Мученичество Або, Вступление.

*Христовом»*²⁰.

И все же ни Або, ни Эвстати на новой родине не заняли такого положения, какое принадлежало Шушаник. Представительница братского народа, дочь героя совместной борьбы с иностранными захватчиками – персами, воспитанная среди грузин, и супруга грузинского правителя – царица, мать четверых детей этого правителя, она предстает еще и в качестве покровительницы и попечительницы своих подданных, пользуется всеобщей любовью и признательностью.

*«Беда твоя – беда наша и радость твоя – радость наша, – от имени всего народа обращается к Шушаник Иаков Цуртавели. – Нашей не только ты царицей лишь была, но на всех нас, как на детей, смотрела»*²¹.

И не раз ясно показывает, что «наша» и «на всех нас» – это не пустые слова.

«Тогда повели и вели святую Шушаник, необутую и простоволосую, как одну некую из презренных, и никто не дерзнул голову ее покрыть, ибо питиахи тот верхом последовал сзади стопам ее и поносил ее многими поношениями. И шел со святой той мятеж многих жен и мужей, множество бесчисленное, ибо следовали за ней, возвысили голос и плакали, раздирали щеки свои и жалостно

²⁰ Мученичество Эвстати, I.

²¹ Мученичество Шушаник, III.

проливали слезы свои ради святой Шушаник»²².

«Несчастный, не ею ли ты воспитан? Да если и убьет тебя < Варскен > за нее, что из того?!»²³ – напоминает Иакоб доброту Шушаник тюремному стражу, который, надо думать, не принадлежал к высокому слою общества, и все-таки удостоился материнской заботы святой царицы. И при этом свидетельствует, какое сильное чувство, какую готовность к самопожертвованию в нем самом, в Иакобе, вызывала Шушаник.

Даже тогда, когда близкие просят Шушаник примирения, компромисса с мужем, изменником и отступником от истинного Бога, они приводят не какие-то постыдные соображения, а напоминают ей о проникнутых любовью родственных отношениях.

«Дждоджик же умолял ее и говорил: „Ты – сестра наша, не погуби дома этого царицына”. Сказала ему святая Шушаник: „Знаю, что я сестра и вместе воспитаны”»²⁴.

Эти слова Дждоджика освещают еще с одной стороны положение, которое занимала Шушаник на новой родине. В обращении Дждоджика Шушаник предстает, как основная опора их общего дома, краеугольный камень владений Варскена и его семьи, уничтожение которого знаменует гибель всего дома. Что, между прочим, и случилось

²² *Мученичество Шушаник*, IX.

²³ *Ibidem*, VII.

²⁴ *Ibidem*, V.

спустя несколько лет после мученической кончины Шушаник, когда царь Картли Вахтанг Горгасали нанес поражение, взял в плен и казнил Варскена питиахша²⁵.

Но ни новая обстановка, ни новые отношения, как и старые, оставленные раньше, не могут препятствовать этим мученикам на пути, который ведет к Христу.

«Потом направил < Варскен > Джоджика, брата своего, и жену Джоджика, жену брата своего, и епископа дома своего и сказал им: „Так скажите ей: встань и приди на место свое и такового разума не держись! Если же нет, волоком приволоку тебя”. И как прибыли и вошли к царице и множество убедительных слов говорили ей, тогда святая Шушаник сказала им: „Люди мудрые, вы добре говорите, однако не верьте, что я буду уже его женой. Думала я, что его к себе обращаю и Бога истинного исповедует, а ныне меня принуждаете это сделать? Да не будет того со мной! И ты, Джоджик, уже не деверь мне и я уже – не твоего брата жена, и жена твоя не сестра мне, которые на его стороне и его дел общники”»²⁶.

«И как отправлялись Эвстати и Стефанэ в Тфилиси, сказал Эвстати теще своей, и жене и детям своим и рабам и рабыням своим: „Да буду прощен я вами, ибо мне сюда уже не обратиться,

²⁵ По сведениям грузинской летописи, это сделал царь Бакур. – *Картлис цховреба*, т. I. 1955, с. 216.

²⁶ *Мученичество Шушаник*, V.

и от Христа я не отрежусь, и они меня уже не выпустят живого, смерти же моей в Тфилиси быть в темнице и голове отсеченной быть у меня»²⁷.

Самые интимные, самые сильные чувства не могут поколебать верность этих героев Христу.

«И сказали блаженной Шушаник так: „Детей тех твоих < Варскен > обратил к волхвованию“. Тогда начала кланяться Богу с плачем великим, и головою своею билась оземь, вздохнула и сказала: „Благодарю Тебя, Господи Боже мой, ибо и были-то не мои, а Тобою данными были. Как изволишь, да будет воля Твоя, Господи, а меня сохрани от дел вражьих”²⁸.

«Ты знаешь, Господи мой Иисусе Христе, что я никого не предпочел Тебе: ни отца, ни мать, ни братьев, ни родственников, но Тебя Единого Господа возлюбил»²⁹.

Для грузин появление этих мучеников в Грузии и их героическая смерть здесь было одновременно и религиозным и национальным делом, поскольку для них тогда, и к счастью также впоследствии, вера и национальность были равны друг другу. Не случайно, что религиозный выбор Або и самопожертвование за Христа легли в основу первого и лучшего в Грузии патриотического

²⁷ Мученичество Эвстати, IV.

²⁸ Мученичество Шушаник, XII.

²⁹ Мученичество Эвстати, VIII.

произведения.

Однако сами герои не ищут в Грузии ничего другого, кроме Христа. Хотя их чужеродность, а что касается Шушаник – ее сиротство, возможно, дополнительно усиливали любовь к Христу, их стремление в обитель Отца Небесного.

Удивительно, но грузинские авторы их житий фактически разделяют это умонастроение. Они тоже не ищут в этой благословенной Грузии ничего другого, только Христа и верности ему. Даже автор первого в Грузии открыто патриотического манифеста Иованэ Сабанидзе, если приглядеться, ничем не пленяется в Грузии, ничего не боится потерять, ничем не гордится, наконец, ни о чем не помнит на своей родине, кроме Христа, кроме веры Христовой и союза с Христом своих соотечественников, *«которые пятьсот лет времени и раньше законоположены были святой благодатью крещения»*³⁰. Вокруг этого формирует-ся и этим удовлетворяется его патриотизм.

Разумеется, это личное настроение грузинских духовных писателей, но можно допустить предположение, что такой самозабвенной, ко всякому земному благу слепой, любви они могли научиться также у своих героев.

Из уст Эвстати Мцхетского впервые на грузинском языке слышится исповедание любви к родной земле – просьба к Господу, чтобы его останки, после смертной казни в Тбилиси, *«вернулись»* в

³⁰ *Мученичество Або*. Первая глава.

Мцхета и были погребены там. Эвстати трижды в разных обстоятельствах повторяет эту просьбу, и каждый раз выясняется, что его любовь к Мцхете и желание последнего упокоения там вызваны только тем, что с Мцхетой связаны для Эвстати самые волнующие встречи с Христом, что это святой город, где Эвстати принял крещение, приобщился к христианской вере и сподобился видеть Христа лицом к лицу.

«Господи Боже Иисусе Христе, если только удостоишь меня смерти за имя Твое в христианстве, плоти моей не благоволи быть выброшенной вон и съеденной собаками и птицами небесными, но плоти моей прикажи сюда же обратиться и схорониться в Мцхете, где я крестился»³¹.

«Но об этом молю Тебя, Господи наш Иисусе Христе, чтобы тело мое погреблось в Мцхете, где я принял крещение рукою Самоэла каталикоса и достойным стал закона христианского»³².

«И об этом молюсь и умоляю Тебя и прошу у Тебя Благого, чтобы не оставлено было тело мое здесь в Тфилиси, но чтобы похоронено было оно в Мцхете святой, где Ты явился мне»³³.

Если при этом Эвстати вспоминает о каком-нибудь земном существе, то это опять же служитель Христов католикос Самоэл, соединивший его через

³¹ Мученичество Эвстати, IV.

³² *Ibidem*, VII.

³³ *Ibidem*, VIII.

таинство крещения с Иисусом Христом.

Эти древние мученики не ищут в этой жизни, в этом мире никакого утешения, никакой красоты и наслаждения.

Григол Хандзтели, современник мученика Або и воспитанник тех же, что и Або, супругов – князя Нерсэ и его жены, будучи самоотверженным подвижником-аскетом, все-таки чувствует и отмечает красоту мира, с восторгом и восхищением славит природу Южной Грузии.

«Благочестивый царь! – рассказывает Григол Хандзтели абхазскому царю Димитри. – Если и весьма умножу слово, не постигнет разум мой всякое пустынь тех добро... По природе однородна страна пустынь тех и благорастворенна солнцем и воздухом: ибо ни чрезвычайный жар не опаляет их, ни чрезмерный холод не отягощает пребывающих в ней... Воды доброй и дерева вволю и без недостатка имеет, произросшего в песках тех, бесчисленные дубравы и множество вод приятных, природное веселье дано Богом < этим местам >»³⁴.

А Иакоб Цуртавели страшными красками рисует тот край, в котором царица Шушаник страдала в темнице:

«В пору летнюю как огонь палящий жар солнца, ветры знойные и воды вредоносные, которого и жители того места, полные болезни, от воды распухшие и пожелтевшие, исколотые и увядшие и паршивые, рожистые, с раздутыми лицами и

³⁴ *Житие Григола Хандзтели*, XII; сс. 86–87.

краткодневно живущие, и старого никого нет в тех странах. И в такой вот крепости шесть лет была заключена и в тяжких тех узах славила Бога»³⁵.

Григол Хандзтели внимательно выбирает природную среду для монашеского подвига. По просьбе того же царя Димитри и вместе с ним, «они обошли земли, предполагаемые под монастырь. И не угодны были святому тому. И он сказал царю тому: „Нет ни земли, ни воды в стране этой, где построить монастырь, ибо талант монашества – это пост. А на этой земле нельзя поститься от духа зноя убийственного”»³⁶.

Но то, что не годится для деятельности монаха-отшельника, именно те «убийственные» условия представляются наилучшим поприщем для подвига мученицы Шушаник.

«Ибо шесть лет в крепости той исполнила и чинностью божественной цвела: постом, присным бодрствованием, стоянием, поклонением без скуки и чтением книг ненаскучиваемым. Осветила и украсила всю ту крепость духовными теми гусями»³⁷.

Григол Хандзтели, афонские отцы со своими сподвижниками не торопятся соединиться с Христом в царствии небесном, они здесь создают

³⁵ Мученичество Шушаник, XIV.

³⁶ Житие Григола Хандзтели, XX.

³⁷ Мученичество Шушаник, X.

земной аналог небесного рая, временный рай, с желанием и усердием благоустраивают и украшают поюстороннее царствие.

«Габриэл же славный дворянин с большим добром отправил отца Григола и дал ему каменщиков и вещь всякую для строительства каменной церкви... Блаженный же Григол место то церковное уравнил... И перекрестил место святой церкви, и стали строить, и так добро завершилась старая та церковь Хандзтийская... В то время во всех тех святых пустынях начали святые отцы строить монастыри и святые церкви»³⁸.

«И хотя тяготило это Иованэ, но ради покоя грузин, а еще более для назидания Торника, решил взяться за это. И дарованием Божиим нашли место благообразное посреди Святой горы и построили монастырь и церкви во имя Святой Богородицы и святого Иоанна Крестителя с большими потоми и подвигами. И многие места, монастыри и пустыни вокруг большого монастыря, вплоть до моря по ту сторону, своими средствами приобрели, благообразные и привлекательные и приятные для пребывания духовных монахов»³⁹.

А эти мученики, из-за сложившихся обстоятельств и добровольно избранной участи, подобно Христу, не имеют, где преклонить голову. Для этого им остается только орудие и место казни, как для

³⁸ *Житие Григола Хандзтели, X.*

³⁹ *Житие ИЭ, V; «Символ», N 34, Париж, 1995, с. 363.*

Христа – крест и Голгофа.

«Тогда один книжник подошед сказал Ему: Учитель! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел. И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы, и птицы небесные – гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» [Мф 8, 19–20; Лк 9, 57–58]. – «Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось! И, преклонив голову, предал дух» [Ин 19, 30].

«И благодарила Бога < Шушаник > и сказала: „Благословен Господь Бог мой, ибо в мире о Нем легла и уснула“. И предала душу свою Господу, всех приемлющему»⁴⁰.

«И возвеселился блаженный Эвстати и благодарил Бога... И как завершил молитву и моление и прошение к Господу, сказал служителям тем марзапановым: „Ныне исполните определенное это повеление надо мною“... Тогда возложили руки свои на него и ударили мечом в честную выю его, и отсекли голову его, и предал душу свою Христу Владыке»⁴¹.

«Блаженный же тот < Або > сам собой тотчас разодрал одежду свою, в которую был одет, и обнаженный запечатлел крест на лице и теле своем и сказал: „Благодарю и благословляю Тебя, Троица Святая, ибо сподобила меня приложиться к подвигу тому святых Твоих мучеников“. И сказав

⁴⁰ Мученичество Шушаник, XVIII.

⁴¹ Мученичество Эвстати, VIII.

это, сзади сложил руки свои крестообразно на спине своей и с веселым лицом и дерзновенным духом возопил ко Христу и преклонил выю свою мечу. И ударили его мечом трижды, ибо думали, что страхом смерти разлучат его с Христом; святой же тот мученик в молчании мужественно принимал меч, пока не предал душу свою Господу»⁴².

Для той любви, которая сжигает этих троих, самым соответствующим, подходящим, равноценным действием является смерть, самопожертвование, пролитие крови ради Того, Кто и Сам пролил кровь из-за любви к этим троим и подобным им существам.

«В брань великую вступаешь, царица», – предупреждает Иакоб свою духовную дочь.

«Пресвитер, а я к великой брани и готова», – твердо парирует Шушаник это предупреждение.

«Горек разум его [Варскена], ранам и мучениям великим предаст тебя», – Иакоб как будто продолжает испытание и раскрывает конкретный и страшный смысл туманной *«великой брани»*. Но встречает такую же непреклонность.

«Лучше для меня от рук его смерть, чем... погибель души моей»⁴³.

Духовная сила и самоотверженность Шушаник не только соответствуют испытанию, но намного превосходят его. Там, где святой царице еще только

⁴² Мученичество Або, Третья глава.

⁴³ Мученичество Шушаник, III.

угрожают пыткой и мукой, там она уже готова к смерти.

*«Господи Боже, Ты ведаешь, что я с усердием на смерть иду»*⁴⁴, – вновь и вновь подтверждает Шушаник свою героическую настроенность.

*«Что за благодать быть мне здесь, где нет страха, ни смерти за Христа?»*⁴⁵ – заявляет святой мученик Або, когда князь Абхазии призывает его воздержаться от возвращения в Тбилиси, чтобы господствующие там арабы не принудили его отречься от Христа. И наоборот, остаться в Абхазии, имеется в виду, для продолжения аскетического подвига. Но мученику Або, по сравнению с смертью за Христа, даже эти аскетические труды, которые в то время пользовались величайшим одобрением и почетом во всем христианском мире, кажутся менее привлекательным и даже безблагодатным занятием.

Совсем иначе, как полноценное воздаяние за жертву, принесенную Христом, видится ему самопожертвование и пролитие крови за Христа.

«И опять в день этот пятницы страстью Своей Господь мой Иисус Христос, на кресте распростерев руки Свои, предал поношению и сделал посмешищем для всех концов земли врага того всего мира. Ныне и мне предлежит выйти на борьбу с врагом тем христиан и за Христа пролитием крови моей сделать его посмеянием и

⁴⁴ Мученичество Шушаник, V.

⁴⁵ Мученичество Або, Вторая глава.

поруганием для всех христиан»⁴⁶.

Эвстати же Мцхетский и вовсе ставит знак равенства между любовью к Христу и самопожертвованием за Него.

«Но Тебя Единого Господа возлюбил, – обращается он к Христу, – и ради имени Твоего, вот, голову отсекают мне сегодня»⁴⁷.

На пороге смерти происходит особенное сближение этих мучеников с Христом.

«И прошение одно испрашивали у нее все те епископы и знатные вместе, чтобы оковы те ножные приказала в защиту и святыню для всех. О котором и сказала святая Шушаник: „Я то что, недостойная эта? За боголюбие же ваше пресвитер да исполнит желание ваше о том образе... Я же, возлюбленные, так вот, в предуготованный тот путь отправляюсь вечный. Вместо скорби этой моей Христос дарует мне радость, вместо мучительств этих – отдохновение, биениями этими моими и волочениями и поношениями уллучу я славу и честь на небесах нескончаемую”»⁴⁸.

«Тогда преклонил колени свои < святой Эвстати > и возвел глаза свои на небо и сказал: „Господи Боже, Вседержитель,.. об этом молюсь и умоляю Тебя и прошу у Тебя Благого, чтобы не оставлено было тело мое здесь в Тфилиси, но

⁴⁶ Мученичество Або, Третья глава.

⁴⁷ Мученичество Эвстати, VIII.

⁴⁸ Мученичество Шушаник, XVII.

чтобы похоронено было оно в Мцхете святой, где Ты явился мне. И чтобы имели благодать и исцеления мощи мои, как то прежних тех < мучеников >”. И услышал голос, который говорил к Эвстати и сказал: „Не меньшим будешь ты прежних тех, которые уверовали в Меня. О теле же твоём не заботься. Будет так, как ты сказал быть”. И возвеселился блаженный Эвстати и благодарил Бога»⁴⁹.

«И, как принял он [Або] истинное то и животворящее Таинство, сказал: „Благодарю Тебя, Господи мой и Боже, Иисусе Христе, Который дал мне в напущение жизнеподательную Плоть Твою и в радость и в утверждение мне – Честную Кровь Твою! Ныне ведаю, что не оставил меня, но со мною встал и я с Тобою”»⁵⁰.

Господь не только укрепляет их на пути подвига, не только становится рядом с ними, но Он отождествляется с ними, соединяется с ними, так что их личная голгофа становится своеобразным повторением распятия Христа, а их посмертное прославление пронизано славой воскресшего Спасителя.

Самоотверженная любовь к Христу, завещанная святыми мучениками Шушаник, Эвстати и Або и запечатленная описателями их подвига, зажигала все новые сердца на всем протяжении грузинской

⁴⁹ Мученичество Эвстати, VIII.

⁵⁰ Мученичество Або, Третья глава.

истории.

Совместное самопожертвование ста тысяч тбилисских мучеников (XIII в.) и неслыханные муки, перенесенные великомученицей царицей Кетеван (XVII в.), были величайшими проявлениями этой традиции.

Эта любовь имела и имеет жизненно важное национальное значение. Ибо без нее был бы невозможен многовековой мученический подвиг грузинского народа. Пример и свидетельство этих мучеников содержит и более общее напоминание о том, что вера Христова – это не только истинное учение, высокая нравственность и богатая культура, но в первую очередь – это любовь к Христу, к Богу, любовь, которая превышает всякое другое чувство.

В кн.: *«Мученичества Шушаник, Эвстати, Або»*.
Criterion, 2012.

